

¹⁴ Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П.И. Люблинский. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – С.490-491.

¹⁵ Полянский, Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции / Н.Н. Полянский. – М., 1911. – С. 87.

¹⁶ К их числу относились преступления, за которые могло быть назначено наказание в виде: 1) выговора, замечания или внушения; 2) денежного взыскания в размере, не превышающем 300 рублей; 3) ареста не свыше 3 месяцев; 4) тюремного заключения на срок до одного года (ст. 33 Устава).

¹⁷ Духовской, М.В. Русский уголовный процесс. – С. 318.

¹⁸ Там же. – С. 317.

¹⁹ Цит. по: Азаров, В.А. Институт судебного контроля в истории российского уголовного процесса: лекции. – С. 44.

²⁰ Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. – СПб., 1910. – С. 392.

²¹ См. подробнее: Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т.1. – С. 322.

*С.И. Вершинина**

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Как и любая публичная отрасль, уголовно-процессуальное право обеспечено специальным видом государственного принуждения, гарантирующим нормальный ход процессуальной деятельности. В теории права под принуждением понимается физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных на то органов государства и должностных лиц на сознание и поведение субъектов посредством применения к ним в установленном законом порядке принудительных мер, связанных с наступлением для последних отрицательных последствий личного, имущественного или организационного характера¹.

В уголовно-процессуальной науке понятие принуждение рассматривается с учетом специфики процессуальной деятельности, при этом акцент в исследованиях делается не на самом принуждении, а на мерах процессуального принуждения. Различия между данными дефинициями

* © Вершинина С.И., 2007

Вершинина Светлана Ивановна – канд. юрид. наук, доцент, филиал Самарского государственного университета г. Тольятти

очевидны и имеют принципиальный характер: процессуальное принуждение — это способ государственного воздействия, реализуемый через систему определенных в законе мер. Следовательно, определению сущности, содержания, системы и видов мер принуждения обязательно предшествуют исследования в области уголовно-процессуального принуждения. На несовпадение этих понятий указывают разные авторы, подчеркивая производный характер мер принуждения от процессуального принуждения².

Начиная исследование уголовно-процессуального принуждения, мы исходим из того, что оно существует в рамках отрасли права, регулирующей деятельность по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Регулирование процессуальной деятельности осуществляется в целях, предусмотренных ст. 6 УПК РФ, и направлено на упорядочение общественных отношений в сфере судопроизводства посредством определения порядка совершения процессуальных действий и закрепления юридических прав и обязанностей участников процесса. Регулятивный характер уголовно-процессуального права, ориентированный на «активность и свободную инициативу человека»³, предполагает использование методов, средств, не связанных с принуждением. В основе такого регулирования лежит убеждение, предполагающее исполнение гражданами требований закона на основе добровольности и сознательности, в том числе и исполнение указаний и распоряжений должностных лиц, осуществляющих судопроизводство.

Законодатель, определяя порядок судопроизводства и закрепляя процессуальные статусы участников, ориентируется в первую очередь на сознательных, добросовестных и законопослушных граждан, для которых исполнение предписаний закона является обязательным и необходимым. На этом этапе нормирования речь идет не о путях и способах преодоления сопротивления участников, а о регламентации деятельности субъектов права, общеобязательности права в целом, свойственной любой норме, институту, отрасли права. В таком контексте уголовно-процессуальное право как регулятивная отрасль права закрепляет общий, основной порядок осуществления уголовного судопроизводства, осуществляемый посредством исполнения участниками своих процессуальных прав и обязанностей. Но если участник не исполняет свою обязанность или исполняет ее не надлежащим образом, а также если есть реальная угроза неисполнения процессуальной обязанности кем-либо из участников в будущем, в уголовно-процессуальном праве есть нормы, позволяющие предотвратить такие действия либо устранить допущенные нарушения. Только эти нормы в своей совокупности образуют ин-

ститут уголовно-процессуального принуждения и являются дополнительными, вспомогательными по отношению к нормам, закрепляющим процессуальные обязанности субъектов. По своему расположению в системе уголовно-процессуального права институт процессуального принуждения образует второй, дополнительный пласт нормирования, гарантирующий исполнение отдельных процессуальных норм.

Вторичность принуждения по отношению к уголовному судопроизводству отмечалась в юридической литературе, но акцент на их соотношении не делался. Например, А.А. Филющенко рассматривал процессуальное принуждение как средство обеспечения уголовно-процессуальных норм⁴. Б.Б. Булатов, оценивая современное развитие уголовно-процессуального законодательства после вступления в силу УПК РФ, отмечал, что «процесс создания нормативно-правовой основы «сопровождения» уголовного правосудия государственным принуждением далеко не закончен»⁵.

Такое понимание позволяет различать в системе уголовно-процессуального права подсистему общеобязательных, формально-определенных норм, упорядочивающих уголовно-процессуальную деятельность, и подсистему государственного принуждения, нормы которой являются гарантией исполнения участниками процессуальных обязанностей. Современное уголовно-процессуальное право не может быть действенным без процессуального принуждения, но сводить право к мерам принуждения, будто все его применение «обеспечивается принудительной силой государства», неприемлемо и приводит к ошибочному пониманию сущности права⁶. Именно об этом говорит М.И. Байтин, рассматривая соотношение убеждения и принуждения в праве и выделяя «принуждение в праве» и «сферу правового регулирования вообще»⁷. В связи с этим целесообразно выделять в механизме уголовно-процессуального регулирования два уровня: 1) общее правовое регулирование — определяет порядок процессуальной деятельности, в том числе права и обязанности участников судопроизводства; 2) специальное правовое регулирование — определяет объем применяемого принуждения для обеспечения исполнения процессуальных обязанностей участников.

Взяв за основу предложенную выше классификацию, можно без труда определить место, характер и сущность любого процессуального действия и решения. Например, дискуссии относительно некоторых следственных действий — являются ли они мерами принуждения — не будут иметь под собой оснований, если учесть, что производство любого следственного действия есть правомочие должностного лица, реализуемое в целях получения доказательственной информации. Участие в след-

ственным действии для других лиц является обязанностью, которую они должны исполнять, подчиняясь закону. И правомочие должностного лица, и обязанности других участников следственного действия представляют собой часть подсистемы общего правового регулирования и процессуальное принуждение в себя не включают, что ставит под сомнение утверждение Б.Т. Безлепкина о том, что проявляемое при производстве следственных действий процессуальное принуждение «может выступать лишь составной частью и способом осуществления определенного следственного действия по собиранию доказательств»⁸.

Любое следственное действие может быть произведено без применения процессуального принуждения при условии, что каждый из участников выполнит то, что предписывает закон. Даже если участник не согласен с предъявляемыми к нему требованиями, но выполняет их, находясь под психологическим воздействием указаний должностного лица, говорить о реализации процессуального принуждения вряд ли верно. Однако если участник уклоняется от исполнения этой процессуальной обязанности, в законе должны быть рычаги, позволяющие гарантировать нормальный ход процесса. Эти рычаги и есть меры принуждения. Как верно отметил И.Л. Петрухин, «если лицо не выполняет какую-либо из указанных обязанностей, приходится прибегать к принуждению, т.е. заставлять участника процесса осуществлять соответствующие действия вопреки его воле (привод, принудительное помещение в медицинское учреждение и т.п.)...»⁹.

В уголовно-процессуальном праве не может быть следственного действия, являющегося по своей сущности принудительным, потому что доказывание (в том числе производство следственных действий) составляет центральную часть процессуальной деятельности и входит в систему общего правового регулирования уголовного судопроизводства. Поэтому трудно согласиться с А.А. Чувилевым, утверждающим, что «только то следственное действие, которое в соответствии с регламентирующими его нормами может быть произведено в принудительном порядке, т.е. в результате применения воздействия, устраняющего противодействие со стороны лиц, призванных выполнить операции, составляющие содержание этого следственного действия, можно относить к категории принудительных»¹⁰.

Не включая процессуальное принуждение в институт следственных действий, необходимо все-таки отметить, что последнему, как и любому правовому образованию, не чужд обязательный характер правовых норм, обеспеченный существованием института принуждения. Как верно отметил С.А. Шейфер, «в действительности ...каждое следственное

действие, как и любое процессуальное действие вообще, носит принудительный характер, не может не опираться на государственное принуждение»¹¹. В этом случае проявляется не процессуальное принуждение, система которого четко определена в законе, а общее свойство права, обеспечивающее действие всей системы права, — обязательность.

До сих пор в уголовно-процессуальной науке принуждение не исследовалось в таком аспекте, хотя прямая связь между процессуальным принуждением и процессуальными обязанностями участников судопроизводства отмечалась в отдельных научных работах. Так, С.А. Шейфер, рассматривая соотношение следственных действий с процессуальным принуждением, отметил: «Меры принуждения следователь вправе применить, чтобы принудить участников следственных действий к выполнению своих обязанностей»¹². З.Д. Еникеев в определении мер процессуального принуждения указал, что они применяются к гражданам, вовлекаемым в процесс «в целях предупреждения и пресечения неисполнения ими процессуальных и иных юридических обязанностей»¹³. По мнению Л.Б. Алексеевой, в системе мер принуждения выделяются меры, направленные «на принудительное исполнение не выполненных добровольно процессуальных обязанностей»¹⁴; И.Л. Петрухин, говоря об одном из видов процессуального принуждения — мерах защиты правопорядка, отметил: «Механизм принудительного исполнения обязанностей без применения мер ответственности, действующий в гражданском праве, как ни странно, имеет аналог в уголовно-процессуальном праве»¹⁵. Отдельно хочется остановиться на позиции Г.Н. Ветровой, которая факт неисполнения процессуальной обязанности рассматривает в качестве критерия классификации мер процессуального принуждения. «В зависимости от того, лежит ли в основе их применения факт нарушения процессуальных обязанностей субъектом уголовного судопроизводства, все принудительные процессуальные меры можно разделить на меры, применяемые за неисполнение процессуальных обязанностей, и меры, которые применяются вне связи с процессуальным правонарушением», — утверждает Г.Н. Ветрова.

Все вышеизложенное позволяет четко сформулировать сущность процессуального принуждения, определить субъектов и сферу его применения, закрепить конкретные средства (меры) реализации. Между тем существуют и иные точки зрения, отвергающие четкую градацию процессуального принуждения по объективным критериям. Так, по мнению И.Л. Петрухина, «критерий отграничения процессуального принуждения от сферы свободного волеизъявления — не априорно принудительный характер тех или иных следственных или судебных действий, а пси-

хическое отношение гражданина — субъекта уголовного судопроизводства к возложенной на него обязанности в процессуальном правоотношении с должностным лицом или органом, ответственным за уголовное дело, одобряет гражданин возложение на него этой обязанности, воспринимает ее как свой социальный долг, значит, нет принуждения. Если же он противится исполнению этой обязанности, видит в ней чуждое ему обременение, исполняет обязанность под воздействием психической угрозы или физической силы, значит, налицо принуждение»¹⁶.

Такое широкое понимание процессуального принуждения вряд ли можно использовать в праве, хотя бы потому, что за каждый случай незаконного и необоснованного применения принуждения государство несет юридическую ответственность. Правовое процессуальное принуждение должно иметь четко выраженный характер, содержание и пределы своего применения; оно должно быть детализировано в законе и иметь определенные правовые последствия. Следуя концепции И.Л. Петрухина, явка свидетеля на допрос, не согласованная с его желанием, будет считаться выполненной под принуждением, и, наоборот, обвиняемый, раскаявшийся в совершенном деянии и согласный с применяемыми в отношении него мерами пресечения, не считается подвергнутым принуждению. Должно ли общество и государство согласиться с последним и отрицать возможность применения в будущем реабилитации в случае признания этих действий незаконными и необоснованными? Ответ очевиден.

Находясь в прямой связи с процессуальными обязанностями, принуждение может начинаться только тогда, когда есть угроза неисполнения этих обязанностей. Если же процессуальная обязанность была исполнена из за нежелания подвергнуться в последующем принудительным мерам, из за страха перед ними, основная цель уголовно-процессуального права, как регулятора общественных отношений, была достигнута: уголовное судопроизводство осуществляется в предусмотренном законом порядке, нарушений и препятствий для судопроизводства нет. Не правовой, а скорее, социологический характер своей концепции И.Л. Петрухин подтверждает сам, предлагая, для определения распространенности процессуального принуждения и его масштабов, т.е. выявления случаев сознательного, добровольного исполнения предписаний закона, проведение социально-психологических и социологических исследований среди граждан¹⁷, в то время как распространенность и эффективность процессуального принуждения как правового образования должна определяться статистикой применения норм данного института правоприменителями. И еще раз подчеркнем: для пра-

воприменителя и, думаем, для законодателя не важна мотивация исполнения участником своих процессуальных обязанностей. Главное — что обязанность выполнена и нет необходимости применять дополнительные инструменты для ее исполнения.

Критически оценивая предложенную выше концепцию, Ф.М. Кудин отметил: «Оценка субъектом обращенного к нему правоохранительно-го предписания и основанного на нем действия как приемлемого или вызывающего отрицательную реакцию не может и не должна влиять на принудительный характер содержащегося в этом предписании требования»¹⁸. По мнению автора, наличие в законе возможности применения принуждения — еще не есть само принуждение. Принуждение начинается там, утверждает Ф.М. Кудин, где компетентные органы применяют правоохранительную норму и выполняют обращенные на субъекта правоприменительные действия. Соглашаясь в принципе с такой трактовкой, необходимо отметить следующее. Для большинства лиц, вовлеченных в судопроизводство, достаточно нормативного закрепления процессуальной обязанности, чтобы она была исполнена в полном объеме. Но для отдельных участников исполнение обязанности становится возможным только тогда, когда есть угроза применения к ним мер процессуального принуждения либо реальное их применение. Для этой группы лиц недостаточно обязательности правового закрепления субъективных обязанностей, они исполняют закон под страхом применения принуждения либо в результате его применения. Поэтому наличие в законе возможности применения принуждения напрямую связано с обязательностью права и является гарантией его реализации, т.к., по словам Ф.М. Кудина, «цель принуждения — сформировать у лица состояние подчиненности»¹⁹.

Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение — это правовое образование в системе уголовно-процессуального права, нормы которого направлены на обеспечение исполнения участниками судопроизводства своих процессуальных обязанностей. Правовая регламентация принуждения и непосредственное его применение всегда будут вторичны по отношению к общему правовому регулированию процессуальной деятельности и реализации субъектами своих процессуальных обязанностей.

Примечания

¹ См.: Алексеев, С.С. Проблемы теории права / С.С. Алексеев. — Свердловск, 1972. — Т.1. — С.378; Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н. Братусь. — М., 1976. — С. 44; Лейст, О.Э. Санкции в советском праве / О.Э. Лейст. — М., 1962. — С.91; Серегина, В.В. Государственное принуждение по советскому праву / В.В. Серегина. — Воронеж, 1991. — С.70; Чирков, А.П. Ответственность в системе права / А.П. Чирков. — Калининград, 1996. — С.22-24 и др.

² Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. — Саратов, 1978. — С.20; Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве / Б.Б. Булатов. — Омск, 2003. — С.42

³ Алексеев, С.С. Право: опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. — М.: Изд-во «Статут», 1999. — С. 319.

⁴ Филющенко, А.А. Об уголовно-процессуальном принуждении / А.А. Филющенко // Правоведение. — 1974. — № 3. — С.108.

⁵ Булатов, Б.Б. Указ. соч. — С.7

⁶ Байтин, М.И. Сущность права / М.И. Байтин. — Саратов, 2001. — С.65

⁷ Там же. — С.132.

⁸ Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс России / Б.Т. Безлепкин. — М., 2003. — С.156.

⁹ Петрухин, И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И.Л. Петрухин. — М.:Юристъ, 1999. — С.241.

¹⁰ Чувилов, А.А. Правоверность, содержание и пределы принуждения при производстве следственных действий / А.А. Чувилов // Правовое принуждение в борьбе с преступностью. — М., 1989. — С.47.

¹¹ Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. — С.37.

¹² Там же.

¹³ Еникеев, З.Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обвинения и защиты / З.Д. Еникеев. — Уфа, 1978. — С.15.

¹⁴ Алексеева, Л.Б. О механизме уголовно-процессуального регулирования / Л.Б. Алексеева // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. — М., 1979. — С.158.

¹⁵ Петрухин, И.Л. Указ. соч. — С.238.

¹⁶ Там же. — С.232.

¹⁷ Там же. — С.233.

¹⁸ Кудин, Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф.М. Кудин. — Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. — С.13.

¹⁹ Там же. — С.7.